

«БЛЭЗ КОМПАОРЕ – МЕРТВ, ТОМА САНКАРА – ЖИВ!»: ОБРАЗЫ, НАРРАТИВЫ И ДИСКУРСЫ НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ В БУРКИНА-ФАСО (2014–2015 гг.)

А.А. Панов

Аннотация. 31 октября 2014 г. восставший народ африканской страны Буркина-Фасо принудил президента Блэза Компаоре, пребывавшего у власти 27 лет, объявить о досрочном сложении своих полномочий и спешно покинуть ее пределы. Дню отставки предшествовала неделя массовых протестов и манифестаций в столице и других городах, достигших кульминации 30 октября, когда протестующая молодежь разгромила и сожгла здание Национальной ассамблеи, государственной телерадиокомпании, штаб-квартиру правящей партии и несколько резиденций наиболее одиозных представителей политической элиты «Четвертой республики». С самого начала своего правления Компаоре оставался крайне непопулярным президентом, но конкретным поводом для социального взрыва, за считанные дни снесшего до основания режим, еще накануне считавшийся одним из самых крепких и устойчивых в Западной Африке, стала попытка внести поправки в конституцию страны, 37-я статья которой препятствовала его переизбранию на очередной, уже пятый по счету срок. Октябрьские события в Буркина-Фасо ряд франкоязычных, а вслед за ними – и российских СМИ поспешили окрестить «черной весной», намекая таким образом на некую преемственность от восстаний в арабском мире, начавшихся в декабре 2010 г. и приведших к свержениям правительств Туниса, Египта, Ливии, а также к гражданским войнам в Сирии и Йемене. В реальности, однако, вопреки аллюзиям, рождавшимся в головах у сторонних наблюдателей, восстание в Буркина-Фасо имело довольно мало общего с «арабской весной», кроме разве что длительности пребывания у власти свергнутого в ходе него диктатора. Характерно, что в национальной буркинийской прессе и публицистике само это клише встречается крайне редко, а главные участники событий тех дней не идентифицируют себя как продолжателей дела арабской молодежи, выходившей на площадь Тахрир. У буркинийского восстания были совсем иные предтечи, герои, образы, дискурсы и нарративы.

Ключевые слова: Буркина-Фасо, Санкара, национализм, идеология, революция.

“BLAISE COMPAORÉ IS DEAD, THOMAS SANKARA STILL ALIVE!”: IMAGES, NARRATIVES AND DISCOURSES OF POPULAR UPRISING IN BURKINA FASO (2014–2015)

A.A. Panov

Abstract. 31 October 2014 the president of Burkina Faso Blaise Compaoré under the pressure of resurgent people resigned and promptly left the country after 27 years staying in power. A day before this rebellious youth's movement came to the high point of the turbulent campaign of mass protest actions, which had been started a week ago. Finally, they destroyed and set on fire the National Assembly building, state own broadcasting company, headquarter of ruling party, and a number of residences and offices belonging to infamous members of the high political class in the “Fourth Republic”. Compaoré was an extremely unpopular president since he took power in 1987, but the trigger of the uprising that levelled his regime with the ground in a few days was the attempt to amend once again the Constitution. The article 37 became the center of debates as it prevented his reelection for the 5th term in 2015. Some French and then even a number of Russian media immediately nicknamed the events as “Black Spring”, meaning some kind of its direct or spirit connection with recent uprisings in the Arab world, crushed before the ruling regimes in Tunisia, Egypt, Libya and provoked civil wars in Syria and Yemen. Actually they had little in common besides the length of tenure in office of toppled dictators. The very aforementioned cliché could be hardly found in national burkinabé press and political reflexions while actors of the events don't identify themselves with Arab youth have been taking Tahrir Square. The burkinabé uprising had its own forerunners, heroes, images, discourses and narratives.

Keywords: Burkina Faso, Sankara, nationalism, ideology, revolution.

ОТЦЫ И ДЕТИ

На титульной странице одной из самых влиятельных в стране независимых газет «Обсерватер паалга» 31 октября 2014 г. фотографии горящего здания парламента сопровождал громкий заголовок «Аромат 3-го января» (Un parfum de 3-Janvier). Таким образом журналисты провели параллель между событиями предшествующего дня и забастовочным движением, добившимся 3 января 1966 г. отставки первого президента независимой Верхней Вольты¹ Мориса Ямеого. Действительно, у буркинийцев уже был за плечами опыт успешных массовых солидарных действий и победы «прямой уличной демократии». За шесть лет правления страной Ямеого успел растерять поддержку практически всех социально-политических групп и классов. В 1962 г. в Верхней Вольте был введен запрет на деятельность оппозиционных партий, левые интеллектуалы называли правящий режим неоколониалистской диктатурой и критиковали его за проивуарийский и в целом прозападный курс, католическую церковь раздражали попытки покушения на ее позиции в образовательной сфере, аристократию доминирующего народа моси – неуважение к традициям, бюрократию – постоянные кадровые перестановки, а профсоюзы – стремление превратить их в придаток государственного аппарата [Кривушин, 2012, с. 744]. Осуждение населения страны вызвал второй брак президента с ивуарийской королевой красоты Сюзанной де Монако, ради которого он развелся со своей первой вольтийской супругой Фелиситой Загре и потратил 150 млн западноафриканских франков (при бюджетном дефиците, достигшем к концу 1965 г. 500 млн франков) [Vatouini, 1986, p. 45]. Тем не менее основной движущей силой первого успешного вольтийского восстания стали именно профсоюзы, объявившие общенациональную забастовку, поддержанную народными массами, а решающим фактором успеха – недовольство ухудшением экономического положения, контрастирующим с роскошным образом жизни элиты, коррупцией, кумовством и разворыванием национальной казны.

«Дети», или, скорее, «внуки» поколения, осуществившего первую в Африке ненасилственную смену правящего режима, напротив, вышли на улицу добиваться отставки Блэза Компаоре прежде всего по политическим и даже морально-этическим причинам.

В этот раз в центре общественно-политического конфликта оказалась конституция Буркина-Фасо, а точнее ее 37-я статья, ограничивающая возможность занимать пост главы государства двумя пятилетними сроками. Данная редакция статьи была утверждена в 2000 г. по рекомендации «Коллегии мудрецов» – чрезвычайного органа, состоявшего из бывших президентов страны, религиозных и традиционных лидеров. Созданная по решению президента Компаоре, она была призвана найти путь выхода из социально-политического кризиса, спровоцированного народными волнениями, охватившими Буркина-Фасо вслед за убийством 13 декабря 1998 г.

¹ Название страны до 1984 г.

известного журналиста Норбера Зонго и трех его коллег. Поскольку это всколыхнувшее буркинийское общество дерзкое преступление, совершенное солдатами Полка президентской безопасности (Régiment de sécurité présidentielle – РСП) – элитной личной гвардии, созданной Компаоре, имело явный политический подтекст [ИСС, 2013], трагически погибший Зонго на долгие годы стал одним из главных мучеников режима Компаоре, а 37-я статья конституции приобрела для оппозиции и стремительно политизирующейся молодежи статус своеобразной «священной коровы».

К 2000 г. Компаоре уже успел пробыть у власти 13 лет и дважды избраться на выборах 1991 и 1998 гг. Следующие выборы были запланированы на 2005 г. Поскольку конституционные поправки не были наделены обратной силой, Компаоре получил право занимать пост главы государства до 2015 г. В то же время мало кто сомневался в том, что «мальчиш-плохиш из Зиниаре»² по мере приближения к часу икс согласится отдать власть, не попытавшись взять своеобразный реванш у «демоса», когда-то принудившего к столь досадным ограничениям.

Политические маневры Компаоре, подтвердившие многолетние опасения оппозиции, начались вскоре после парламентских выборов 2012 г., по итогам которых президентская партия «Конгресс за демократию и прогресс» (КДП) и ее мелкие сателлиты не получили в Национальной ассамблее конституционного большинства, составляющего по законам страны $\frac{3}{4}$ от 128 мест³. По подсчетам буркинийского политика и публициста Альфреда Савадого, накануне голосования по проекту поправок сторонники Компаоре могли рассчитывать на 82 голоса при условии отсутствия внутривыборных диссидентов [Sawadogo Y.A., 2015, p. 53–59]. 23 мая 2013 г. депутаты несмотря на протесты оппозиции 81 голосом «за» приняли органический закон об учреждении сената – верхней палаты парламента⁴. Помимо неоправданной и бессмысленной дороговизны данной структуры главным аргументом противников сената были опасения по поводу скрытой цели его создания – увеличение в общем составе депутатского корпуса лояльных президенту представителей до необходимого конституционного большинства⁵. Тем не менее физически сенат за оставшийся год до начала работы над поправками к 37-й статье так и не был создан.

² *Enfant terrible de Ziniaré* (фр.) – популярное прозвище Блэза Компаоре, закрепившееся в буркинийской прессе и публицистике (Зиниаре – небольшой город в провинции Убритенга области Центральное Плато, родина Компаоре). Также – «Блэзо» и «Национальный Блэзо» (Blaiso National).

³ В парламенте созыва 2015 г. – 127.

⁴ Конституционные поправки, предусматривающие создание сената, были приняты еще прежним составом Национальной ассамблеи 11 июня 2012 г.

⁵ Согласно закону, из 89 членов сената 29 должны были назначаться президентом, остальные – избираться от территориальных единиц, традиционных этнических и религиозных общин, профсоюзов и сообществ буркинийской диаспоры непрямым голосованием. Таким образом, используя административный ресурс, власти без труда получали возможность формировать верхнюю палату с подавляюще лояльным себе большинством.

Вместо этого режим выбрал, казалось бы, более простой и менее затратный способ достижения результата – привлечь на свою сторону «колеблющихся». В резерве у президента, помимо собственной, была также партия «Альянс за демократию и федерацию – Африканское демократическое объединение» (Alliance pour la Démocratie et la Fédération – Rassemblement démocratique africain – АДФ/РДА), парламентская фракция которой насчитывала 18 депутатов и входила в правящую коалицию. В то же время еще с 2005 г. руководство партии выступало против изменения 37-й статьи конституции, а в 2013 г. депутаты фракции голосовали против закона о сенате [Sawadogo Y.A., 2015, p. 56]. Ранее, в 2002–2007 гг., ее лидер Жильбер Ноэль Уэдраого возглавлял парламентскую оппозицию⁶, что, однако, не мешало ему во время избирательной кампании 2005 г. поддерживать Компаоре. Природа этих «колебаний» мало для кого в стране была секретом. Жильбер Ноэль, сын известного в прошлом политика и дипломата, верхневольтийского премьер-министра (1971–1974) Жерара Уэдраого, таким образом конвертировал свой политический капитал в реальный, превратив АДФ/РДА в своеобразное бюро по оказанию «политических услуг» президентской администрации. Молодой писатель и публицист Адама Сигире в одной из своих книг называет его «главным предателем буркинийского народа с 1990-х гг., в руках которого еще долго будет оставаться знамя предательства и вероломства в Буркина-Фасо» [Siguiré, 2015, p. 48].

Подробные детали «торгов» накануне рассмотрения конституционных поправок в виде слухов быстро распространялись по столице, а следом и другим крупным городам страны. Тот же Сигире приводит сразу три активно ходившие в то время версии о денежных суммах, предоставленных Компаоре руководству АДФ/РДА за лояльное голосование в парламенте – 50, 100 или 500 млн западноафриканских франков за голос. В это же время депутаты президентской партии, чьи голоса, разумеется, стоили гораздо дешевле, тем не менее, якобы получили по 20 млн франков⁷. По данным «информированного источника», на который ссылается писатель, средства на подкуп депутатов Компаоре накануне привез из Тайваня, правительство которого передало буркинийскому президенту 50 млрд франков – согласно официальной версии, на профилактические меры борьбы с вирусом Эбола [Siguiré, 2015, p. 167–168]. Впрочем, согласно источникам журналиста «Обсерватер паалга» Айясинта Сану, часть депутатов фракции Жильбера Уэдраого даже «тайваньские миллионы» не мотивировали в необходимой мере на голосование в пользу конституционных поправок, и лидеру пришлось утверждать свою волю на собрании при помощи угроз, скандалов и стука кулаком по столу [Sanou, 2015, p. 18].

Так или иначе, мы теперь никогда не узнаем, чем бы закончилось голосование 30 октября и образовалась ли бы в рядах правящего большинства некая внутренняя «фронта», сорвавшая планы хозяина Косиама⁸, поскольку на следующий

⁶ Лидер оппозиции (фр. Chef de file de l'opposition politique) – официальная конституционная должность в некоторых африканских государствах, в т. ч. Буркина-Фасо.

⁷ 10 млн западноафриканских франков по курсу октября 2014 г. составляли эквивалент \$20 тыс.

⁸ Косиама (Kossyam) – полуофициальное название дворца-резиденции президента Буркина-Фасо.

день здание Национальной ассамблеи было разгромлено и сожжено восставшей молодежью. Депутатам пришлось спасаться бегством через окна и задние ходы, смешиваясь с толпой, чтобы избежать линчевания разъяренными участниками штурма.

К этому времени уже пролилась первая кровь. Армия и полиция получили от руководства страны приказ использовать все возможные средства для разгона манифестантов, включая применение оружия с боевыми патронами. И хотя далеко не все стражи порядка спешили следовать приказу, порой откровенно его саботируя, за два дня столкновений в стране погибло 34 человека [МВДНР, 2014, р. 17].

Вечером того же дня на авансцену вышло руководство вооруженных сил. Начальник штаба армии генерал Оноре Траоре в 19:10 по местному времени объявил о роспуске парламента и правительства, введении комендантского часа, а также анонсировал учреждение переходных властей на 12-месячный период, не уточнив при этом, кто будет их возглавлять. В этот же вечер президент Компаоре обратился к нации, призвав оппозицию к успокоению и прекращению уличной войны. Взамен он отменил введенное ранее чрезвычайное положение, подтвердил окончательный отзыв проекта конституционных поправок, пообещал в 2015 г. передать власть законно избранному президенту и уйти в отставку. Однако было уже слишком поздно. На следующий день акции протеста оппозиции возобновились под лозунгом незамедлительной и безусловной отставки действующего президента. В 12:35 офицеры штаба армии выступили с новым сенсационным заявлением, объявив, что Компаоре больше не является главой государства. Под аккомпанемент ревущей позади толпы манифестантов, перед дрожащими видеокамерами и протянутыми руками с диктофонами, заместитель командующего РСР подполковник Якуба Исаак Зиде в ответ на раздающийся по сути хором вопрос журналистов о том, кто принимал решение об отставке президента, с усталым, взволнованным и несколько растерянным видом, но в то же время с облегчением в голосе, отвечал: «Все приняли... Молодежь поднялась и начала сражение, а армия ответила на ее призыв...» [Burkina 24, 2014].

ФОРМУЛА УСПЕХА

Переведем взгляд на ту самую молодежь, о которой как о зачинателях восстания совершенно справедливо высказался будущий премьер-министр переходного правительства, и попробуем представить себе собирательный образ главного субъекта восстания.

В разгар событий в Буркина-Фасо к автору статьи обращались представители некоторых российских СМИ с просьбой прокомментировать ситуацию в этой стране и объяснить главную суть происходящего. При этом стандартный вопрос, с которого, как правило, начиналась беседа, звучал приблизительно так: Блэз Компаоре

правил страной 27 лет, что же сейчас вдруг заставило жителей Буркина-Фасо столь решительно добиваться его отставки? Из России, где событиям в Черной Африке вообще уделяется незаслуженно мало внимания, восстание в далеком и малоизвестном западноафриканском государстве действительно могло показаться неким удивительным казусом, произошедшим «вдруг» уже только на том основании, что свергнутый президент до этого находился у власти более четверти века. На самом деле, режим Компаоре, на первый взгляд производивший впечатление основательности, устойчивости и стабильности (особенно на фоне соседних Мали, Нигера и Кот-д'Ивуара, за последние два десятилетия прошедших через целый ряд переворотов, вооруженных конфликтов и прочих социально-политических потрясений), в действительности за время своего существования пережил несколько крупных волн протестной активности, каждая из которых могла бы при некотором более удачном для оппозиции стечении обстоятельств закончиться тем финалом, который ожидал его осенью 2014 г. Помимо упомянутой выше борьбы против учреждения сената в 2012–2013 гг. и волнений на почве убийства журналиста Норбера Зонго в 1998–1999 гг., в 2008 г. по стране прокатилась целая волна социальных протестов, а в начале 2011 г. – охватившее несколько крупных городов движение учащихся и студентов, спровоцированное гибелью молодого лицеиста Жюстена Зонго, ставшего жертвой полицейского насилия. Наконец, почти одновременно с указанными массовыми волнениями студентов имел место неожиданный мятеж вышедших из-под контроля руководства армии солдат, сопровождавшийся грабежами и стрельбой на улицах, в т. ч. обстрелом президентского дворца в Уагадугу [Traoré, 2012; ICC, 2013].

Слабым местом всех этих антиправительственных выступлений была их спонтанность, стихийность и отсутствие организации. Существующие в стране оппозиционные партии, даже обладая местами в парламенте, оказались не способными сформировать политическую повестку, получившую бы поддержку в общенациональном масштабе, и взять на себя роль направляющей общественной силы. Их лидеры, хотя и пользующиеся авторитетом как своеобразные «народные трибуны», в то же время не обладали достаточной харизмой для сплочения вокруг себя пассионарной городской молодежи и придания народному недовольству ясного политического вектора.

В 2014 г. ситуация была уже принципиально иной. К этому времени в стране оформился ряд сетевых структур, сумевших выступить гегемоном широкого общественного движения и канализировать протестные настроения в скоординированные осмысленные действия и настоящую городскую герилью. Наиболее массовой, организованной, политически значимой и идеологически продвинутой структурой из этого ряда, безусловно, оказалось движение «Бале ситуайен» (Balai Citoyen – в переводе с фр. – «Гражданин-метла»), члены которой часто называют себя «сибаль» и «сибель» (последнее слово применяется по отношению к девушкам – членам движения, обыгрывая сочетание общеупотребимого стандартного самоименования с французским словом *belle* – «красавица»). Поскольку именно они сыграли ключевую роль в свержении Блэза Компаоре, мы остановимся на этом движении подробнее.

«Бале ситуайен» было основано 29 июля 2013 г. группой молодых буркинийцев во главе с двумя популярными в стране музыкантами, известными прежде всего благодаря своим песням социально-политического содержания – рэпером Сержем Бамбара, более известным как Смоки (Smoskey), и исполнителем рэгги Самой Каримом со сценическим псевдонимом Самск Ле Джа (Sams'k Le Jah). Ядро будущего движения также составили журналисты и адвокаты, собиравшиеся в кафе у Национального пресс-центра им. Норбера Зонго (того самого журналиста, смерть которого послужила спусковым крючком к первой массовой кампании протестов против правительства Компаоре с момента его прихода к власти). Как рассказывал автору статьи один из лидеров «Бале ситуайен» журналист Исса Барри, неформальная группа будущих активистов сформировалась в 2010 г. в период острого политического кризиса в Кот-д'Ивуаре. За противостоянием президента-социалиста Лорана Гбагбо, поддерживаемого, прежде всего, жителями христианского юга, и либерала Алассана Уаттара, выступавшего лидером оппозиции северян-мусульман и потомков мигрантов, в то время следила вся Западная Африка и, прежде всего, наиболее исторически и культурно близкая к Кот-д'Ивуару Буркина-Фасо. Споры и дискуссии о драматических ивуарийских событиях, по поводу которых не было единого мнения даже у завсегдадаев упомянутого выше кафе в Уагадугу, создали тем не менее в этой среде своеобразную субкультуру, со временем оформившуюся в группу единомышленников, решившуюся на создание социального движения в защиту гражданских ценностей, цивилизованных политических свобод и, прежде всего, 37-й статьи конституции, предполагавшей смену власти в 2015 г.

Непосредственным праобразом и моделью для создателей «Бале ситуайен» послужило сенегальское движение «Й'ан а марр» («Y'en a marre» – в переводе с фр. – «Довольно!»), оказавшее не только идейное влияние, но и активную консультативную помощь своим буркинийским последователям.

«Й'ан а марр» было создано в январе 2011 г. также для противостояния попыткам президента Абдулая Вада добиться переизбрания на третий срок вопреки сенегальской конституции. Главной движущей силой движения стала молодежь из неблагополучных окраин столицы Дакара, а лидерами – два фронтмена рэп-группы «Кер Ги» (Keur Gui) – Тьят и Килифо, а также журналист Фадель Барро. Движению не удалось помешать участию Вада в выборах⁹, но активная кампания протеста привела к его поражению во втором туре от оппозиционного кандидата Маки Салая.

⁹ Хотя сенегальская конституция, принятая в 2001 г., и предусматривала ограничение права занимать пост президента двумя сроками, тем не менее конституционный суд принял решение о допустимости участия Абдулая Вада в выборах 2012 г., где он претендовал на третий президентский мандат, поскольку за время его правления в текст основного закона республики неоднократно вносились поправки, как бы «обнуляющие» его предыдущие избрания. Фактически, такая же «увертка» была использована и Блэзом Компаоре, переизбранным на законных основаниях аж четырежды, в то время как действующая конституция позволяла не более двух президентских сроков.

Победная формула «Й'ан а марр» впоследствии была успешно реализована и в Буркина-Фасо при создании «Бале ситуайен», в руководстве которого компанию Смоки и Самску Ле Джа составил адвокат Ги Эрве Кам. Такая конфигурация лидерского состава обеспечила движению тот набор качеств, который в конечном счете и определил его успех. В то время как адвокат Кам взял на себя функции эффективного и респектабельного «кабинетно-коридорного» технократа-аппаратчика, звезды буркинийской рок-сцены стали не только визитной карточкой движения, привлекающей под его знамена городскую молодежь, но, помимо этого, поставив на кон свою репутацию, гарантировали таким образом его «политическую чистоплотность». Тот же Исса Барри рассказывал автору статьи, что именно наличие в «Бале ситуайен» Смоки и Самска Ле Джа обеспечивает доверие со стороны рядовых активистов и лиц, вызывающихся оказывать финансовую и техническую помощь¹⁰.

В сенегальской и буркинийской ситуациях вообще было много общего. Абдулай Вад долгое время до своего первого избрания представлял оппозицию 40-летнему правлению Социалистической партии, опираясь при этом как раз на молодежь, требовавшую перемен, в то время как Блэз Компаоре был вторым человеком в революционном движении молодых левых офицеров, осуществивших в 1983 г. «народно-демократическую революцию», к которой мы еще вернемся ниже. Оба, однако, по разным причинам растеряли свою популярность и превратились из агентов социальных перемен в главные на пути к ним препятствия. В обеих странах недовольство граждан вызвал феномен «семейственности» политической элиты. Так, в Буркина-Фасо раздражителями общественного мнения долгое время были могущественный младший брат президента Франсуа Компаоре, имя которого всякий раз возникало при обсуждении обстоятельств дела об убийстве Норбера Зонго, а также его теща Ализета Уэдраого, получившая говорящее само за себя народное прозвище «национальная теща» (*belle-mère nationale*). Резиденции и офисы обоих родственников президента впоследствии были разгромлены и сожжены при восстании 30 октября 2014 г. [MBDHP, 2014, p. 48].

Главным антигероем сенегальской политической сцены выступал сын президента Карим Вад, занимавший в период правления своего отца ряд министерских должностей и успевший запятнать свою репутацию обвинениями в незаконном обогащении, в конце концов доказанными в суде уже при новых властях в 2015 г. [Ва, 2015]. За год до проигранных президентских выборов Абдулай Вад даже предпринял попытку учредить новый пост вице-президента, призванного наследовать кресло главы государства в случае досрочного прекращения его полномочий. Поскольку никто в стране не сомневался в том, что пост предназначался для Карима, которому его престарелый отец¹¹ таким образом

¹⁰ По словам информанта, именно взносы и пожертвования граждан, а также «патриотичных» мелких и средних предпринимателей, являются главным источником средств движения.

¹¹ В 2011 г. Абдулаю Ваду исполнилось 85 лет.

намеревался передать власть, сопротивление очередному редактированию конституции стало первым раундом борьбы оппозиции против Абдулая Вада и его семьи. 23 июня 2011 г., в день, когда конституционные поправки должны были быть рассмотрены и приняты парламентом, протестные акции заполнившей центр Дакара молодежи переросли в массовые беспорядки и уличные погромы. Президент вынужден был отказаться от своей инициативы и объявить об отзыве предложенных законопроектов [Skelton, 2011]. Нетрудно заметить, что точно по такому же сценарию разворачивались и события 30 октября 2014 г. в Уагадугу, однако в последнем случае попытка «отыграть назад» уже не спасла режим Компаоре и на следующий день он был вынужден согласиться на отставку и бежать из страны¹².

Сенегал и Буркина-Фасо косвенно объединяет также их принадлежность к ряду африканских государств с так называемыми «гибридными политическими режимами», что в конечном счете и создало условия для появления и успеха молодежных демократических движений нового типа. Несмотря на то, что стиль правления и Вада, и Компаоре был безусловно авторитарным, обе страны тем не менее не являлись этническими диктатурами, в них уверенно существовала реальная парламентская оппозиция, выходила независимая пресса, действовали организации, представляющие гражданское общество, традиционные лидеры и конфессиональные общины также сохраняли авторитет и автономию от официальных государственных властей. Примечательно, что в странах Центральной Африки, где пространство политической оппозиции гораздо уже, а роль этнического фактора в политических процессах – выше, попытки копировать сенегальско-буркинийский опыт потерпели поражение, либо он и вовсе оказался невостребованным¹³.

При этом и «Й'ан а марр», и «Бале ситуайен» заявляют о своем «политическом нейтралитете» по отношению к партиям, составляющим оппозиционный лагерь, и отказываются от ассоциаций с какой-либо политической силой. Движение

¹²Сравнивая реакцию властей Сенегала и Буркина-Фасо на массовые народные волнения, нельзя упускать из вида тот факт, что правительство Вада проявило большую устойчивость по сравнению с режимом Компаоре не в последнюю очередь благодаря вмешательству в буркинийский кризис руководства национальной армии, выступившей в конце концов в роли общественного арбитра. В то время как обилие военных переворотов в Буркина-Фасо, уже успевшее породить интерес к их исследованию как культурных феноменов [Kopaté, 2003], красноречиво указывает на уровень влияния армии на политическую жизнь этой страны, вооруженные силы Сенегала, напротив, традиционно аполитичны. Сенегал наряду с островным Кабо-Верде являются единственными государствами Западной Африки, в постколониальной истории которых не случилось ни одного военного переворота.

¹³В Бурунди президенту Пьеру Нкурунзизе в 2015 г. удалось переизбраться на третий срок и ценой репрессий и запугивания оппозиции сохранить свою власть. В Республике Конго президент Сассу-Нгессо успешно завершил операцию по изменению конституции и в том же 2015 г. был переизбран на третий срок. В Габоне созданное по модели «Й'ан а марр» и «Бале ситуайен» движение «Са суфи ком са» (ça suffit comme ça – «Довольно этого») во время выборов 2016 г. осталось практически незаметным, а в Чаде и Экваториальной Гвинее многолетние президенты в 2016 г. также были переизбраны на очередные сроки без каких-либо препятствий.

«Й'ан а марр» на выборах 2012 г. все же изменило своему принципу и заняло перед вторым туром сторону оппозиционного кандидата Маки Саля, что, впрочем, было не только логичной, но и единственно возможной стратегией борьбы против Вада, допущенного конституционным судом к президентским выборам. «Сибалам» и «сибелям» в этом смысле удалось проявить большую последовательность. Лидеры движения сознательно предпочли стезе политической партии, борющейся за власть, имеющей те или иные интересы, либо придерживающейся каких-либо идеологических доктрин и воззрений, роль «стражников демократии», обеспечивающих право граждан самостоятельно определять свою судьбу и выбирать себе власть в полном соответствии с буквой и духом закона.

Еще одним и, пожалуй, самым ярким отличием движения «Бале ситуайен» от сенегальского и прочих африканских и иных аналогов коренится в уникальном историческом опыте Буркина-Фасо, пережившей свой собственный период яркого революционного романтизма, рефлексии над которым и становятся главным фундаментом идентичности его участников и симпатизантов.

« МЫ ХОТИМ БЫТЬ НАСЛЕДНИКАМИ ВСЕХ РЕВОЛЮЦИЙ »

Как справедливо указывают эксперты Международной кризисной группы (МКГ), «революция Санкара и ее последствия – являются ключом к пониманию современной Буркина-Фасо» [ICG, 2013, р. 5]. Обратимся же на некоторое время к фигуре самого Тома Изидора Ноэля Санкара – легендарного президента-революционера в военной форме и красном берете, пробывшего у власти в своей стране всего лишь четыре года, но не только создавшего за это время ее новый, современный формат, но и на долгие годы вперед ставшего кумиром молодежи всего развивающегося мира. «Третьего мира», – в соответствии с устоявшимся клише, изящно разоблаченным и в то же время гордо принятым Санкара 4 октября 1984 г. на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН:

«Никто не удивится, увидев... Буркина-Фасо в ряду этих презренных, составляющих третий мир, изобретенный другими мирами в момент объявления формальной независимости с целью обеспечить наше интеллектуальное, культурное, экономическое и политическое отчуждение. Мы хотим быть его частью, но не для того, чтобы оправдывать это гигантское историческое надувательство. И тем более не для того, чтобы соглашаться быть задворками сытого Запада. Но для того, чтобы укрепить сознание принадлежности к трехконтинентальному единству и... ту особую солидарность, объединяющую Азию, Африку и Латинскую Америку в общей борьбе с общими экономическими эксплуататорами и политическими жуликами. Признать свою принадлежность к третьему миру для нас означает, перефразируя слова Хосе Марти, подтвердить, что мы чувствуем на своей щеке каждый удар, нанесенный по любому человеку в любой точке мира» [Sankara, 1991, р. 99].

Тьермондизм в идеологических воззрениях Санкара тесно переплетался с революционным леворадикальным марксизмом, в который ему удалось вдохнуть новую свежую струю в середине 1980-х гг. – в эпоху, когда тот постепенно и, казалось бы, уже навсегда уходил с исторической арены, дискредитированный колоссальными человеческими жертвами и экономической неэффективностью взявших его на вооружение режимов.

Задолго до появления движения альтерглобалистов, ставший впоследствии одной из его икон Санкара сформулировал вульгарное и упрощенное с точки зрения высоколобых теоретиков, но чрезвычайно современное по форме и содержанию, до сих пор востребованное и доступное каждому рядовому буркинийцу понимание ключевого для противников неолиберального порядка объекта критики – империализма: «Посмотрите в вашу тарелку, когда вы едите: импортированные рис, маис, просо – вот это и есть империализм» [Sankara, 1991, p. 188]. В рамках борьбы с империализмом в том виде, в котором он его понимал, Санкара сосредоточил свои усилия на поддержке отечественного производителя, причем не только риса и маиса, но и потребительских товаров самого разного типа, от школьных портфелей до кобуры для пистолетов [Кривушин, 2012, с. 653]. Однако главные свои надежды он связывал с текстильной промышленностью, обязав носить всех государственных служащих костюмы местного производства, «фасо дан фани». В июле 1987 г. вся буркинийская делегация, возглавляемая Санкара, прибыла на конференцию Организации африканского единства в Аддис-Абебу в «фасо дан фани», о чем сам президент заявил с трибуны, с гордостью подчеркнув, что в костюмах нет ни одной нитки ни из Европы, ни из Америки [Sankara, 1991, p. 252].

Еще одним неотъемлемым элементом политической стратегии и идеологии Санкара было «народничество», или, как называли бы его современные политологи – популизм. Так, например, еще 1 февраля 1983 г. во время церемонии вступления в должность премьер-министра он произнес свою знаменитую речь, в которой слово «народ» было употреблено 64 раза [Kyelem de Tambela, 2012, p. 60]. Позже, уже в эпоху президентства широкую популярность принесли Санкара его экстравагантные нетипичные для африканского лидера меры: он сократил оплату труда госчиновникам, отобрал у тех из них, у кого они были служебные, мерседесы, пересадив на самые дешевые «Рено», и обязал летать в зарубежные командировки исключительно эконом-классом. В качестве наказания госслужащих за те или иные проступки практиковалась их отправка на общественные работы на плантации, сам президент принимал участие в национальных субботниках, отказался от кондиционера в рабочем кабинете как от предмета роскоши, недоступного большинству населения, обедал в армейской столовой, а всю зарплату президента переводил в фонд помощи детям-сиротам, довольствуясь жалованием капитана вооруженных сил [Жамбиков, 2015, с. 51]. Традиционные для африканских государств портреты президентов в публичных местах, как способ утверждения культа личности лидера, не использовались во время его правления по требованию самого Санкара, считавшего, что он ничем принципиально не отличается от своих

соотечественников¹⁴, – еще одна нетипичная черта для африканского «диктатора», к числу которых его причисляет в своем сатирическом памфлете норвежский философ и журналист Микал Хем [2016, с. 14].

Военный переворот 4 августа 1983 г., приведший его к власти, вошел в историю страны под именем «народно-демократической революции», пережившем самого Санкара. При том что в такой политике терминологии, безусловно, присутствовал элемент пропаганды, тем не менее последствия этого переворота действительно имели для государства революционное значение.

«Мы хотим быть наследниками всех революций мира, – восклицал с трибуны Генассамблеи ООН Санкара. – Открытые навстречу всем ветрам воли народов и их революциям, мы учимся также на уроках их тяжелых поражений, которые привели к трагическому несоблюдению прав человека, мы хотим сохранить из каждой революции только чистое ядро, которое не позволит нам попасть под власть чужих сил, даже если мысленно мы с ними разделяем одни и те же ценности» [Sankara, 1991, p. 104–105].

Увы, полностью избежать ошибок предшествующих революций так и не удалось. Реальная революционная романтика и формы прямой низовой демократии сочетались в четыре года его правления с репрессиями и систематическим подавлением как оппозиции правой (традиционные вожди, прозападные либералы и буржуа, коррумпированная бюрократия и в целом – консервативное общество), так и левой (профсоюзы, марксистские партии и движения, чья позиция расходилась с убеждениями Санкара, а также презируемая им мелкая буржуазия и анархо-синдикалисты – и тех и других он считал реакционными и контрреволюционными общественными силами). Со временем Санкара утратил доверие даже к тем силам, которые прежде составляли авангард

¹⁴ Одним из следствий такой политической скромности было то, что многие жители в то время, видимо, могли даже точно не знать, как на самом деле выглядит президент. В частности, в 2015 г. во время одного из визитов в страну автор статьи записал рассказ жительницы столицы об известном ей комичном случае, произошедшем в Буркина-Фасо во время правления Санкара. По своему сюжету он больше напоминает городскую легенду, реальность которой, таким образом, остается под вопросом. Мы помещаем его лишь в качестве забавного курьеза. И так, якобы однажды Тома Санкара проезжал по улице на своем мотоцикле (то, что президент время от времени передвигался на мотоцикле и даже на велосипеде – достоверный исторический факт) и решил остановиться купить у придорожной торговки пакет арахиса. После того как та, не узнав в покупателе президента, насыпала ему на полученные 25 франков гораздо меньше, чем ожидал Санкара, последовал вопрос: «Что случилось, почему так мало?». Женщина в ответ решила проявить остроумие, заявив: «Да потому что у нашего дорогого президента Тома Санкара – что голова, что его гитара, никакой разницы. Не следит он вообще за ростом цен в стране!». Сконфузившийся покупатель в свою очередь признался, что вообще-то он и есть Санкара. Женщина опешила, перепугалась и приготовилась к суровой реакции на оскорбление: «Можешь теперь меня убить!». «Да за что ж мне тебя убивать? На самом деле мне действительно надо лучше следить за ценами и вообще за жизнью простых людей», – ответил Санкара, распорядившись после этого случая ввести над ценами на продовольствие государственный контроль. Нетрудно заметить, что по структуре своего сюжета эта история напоминает известную российскому читателю легенду о В.И. Ленине и печнике.

революции и движения в сторону социальных перемен – интеллектуалам, студентам и, наконец, армии. В документальном фильме режиссера Робина Шаффилда «Санкара, честный человек» (*Sankara, l'homme intègre*, 2006) присутствует фрагмент одного из его интервью европейским тележурналистам незадолго до гибели. Трагическое положение, в котором он оказался, Санкара рефлексировал и описывает через образную метафору, высвечивающую общий кризис буркинийской революции:

– Я чувствую себя, как велосипедист, который поднимается вверх по крутому склону, а по обе стороны дорожки – обрыв. Он вынужден продолжать крутить и крутить педали, иначе – он упадет. Вот потому, чтобы остаться собой, чтобы продолжать чувствовать себя самим собой – я продолжаю этот подъем.

– Вы чувствуете себя в изоляции в Африке?

– По крайней мере, непонятым.

– Непонятым или нелюбимым?

– Нелюбимым, да.

Для завершения формирования романтического мифа о бросившем вызов мировой системе угнетения революционере-одиночке нужна была лишь соответствующая масштабу его личности драматическая развязка. И она не заставила себя долго ждать. 15 октября 1987 г. 38-летний президент и 12 его соратников были убиты в ходе переворота, организованного наиболее близким товарищем по оружию Санкара капитаном Блэзом Компаоре, в лицемерие и предательство которого тот отказывался верить вплоть до своего самого последнего дня. В последующие годы участниками тех событий с разных сторон было представлено две версии истории гибели Санкара. Согласно первой, озвученной генералом (в то время – лейтенантом) Жильбером Дьендере, командиром отряда десантников, от рук которых и погibli Санкара и его товарищи, президент попытался оказать вооруженное сопротивление при попытке задержания и был убит в перестрелке. По другой версии, представленной Алуной Траоре, единственным из присутствовавших на месте расправы товарищей президента, избежавшим в тот день смерти, группа десантников проникла в здание Совета согласия в то время, когда там проходило заседание. Санкара вышел вперед встретить атакующих и почти сразу же был изрешечен пулями. Остальные его соратники были затем убиты выстрелами на выходе из здания [Carayol, 2014b].

Объявивший себя новым президентом Блэз Компаоре поспешил дистанцироваться от учиненной в тот октябрьский день кровавой бойни, даже выразив сожаление по поводу гибели человека, которого он продолжал называть своим другом. По версии Компаоре – Дьендере, им пришлось действовать на опережение, поскольку ранее якобы стало известно о готовящемся заговоре против

них со стороны самого Санкара, а как революционеры и патриоты они не могли позволить себе впасть в излишние сантименты. В официальном коммюнике, распространенном 19 октября от имени лидера «Народного фронта» Блэза Компаоре, Санкара был назван предателем, автократом и пособником реставрации неокOLONIALИЗМА, в то время как участники переворота – патриотическими силами, пожелавшими «исправить» процесс революции, свернувшей со своего истинного демократического пути [цит. по: Kyelem de Tambela 2012, p. 417–418]. Впоследствии, однако, режим Компаоре несколько смягчился в оценках фигуры своего предшественника. В 2005 г. в центре Уагадугу даже появился проспект им. Тома Санкара, правда, скорее для того, чтобы заполнить пустующую лауну, ибо имена всех других президентов к этому моменту в топографии столицы уже присутствовали [Marot, 2007]. Отказавшись от продолжения революции и порвав со всеми ее романтическими и популистскими инициативами, «Четвертая республика» тем не менее сохранила государственные символы революционной эпохи – созданные лично Санкара флаг, герб (до 1997 г.) и, самое главное – название, составленное из двух слов, в переводе с наиболее многочисленных национальных языков страны – мооре и диула – означающее «страна честных людей».

В настоящее время представители практически любого мирового социального движения условного левого спектра могут обнаружить в фигуре Санкара своего товарища по борьбе или, как минимум, человека, близкого по духу. Так, комплекс мер по эмансипации женщин, борьба с женскими обрезаниями и ранними браками связывают его с феминистским и правозащитным движениями; противодействие опустыниванию Сахеля – с экологами; обвинения империалистов в «вестернизации образа Иисуса», а также тезис о том, что миру нужны две Библии и два Корана, поскольку обе священные книги не могут одинаково служить эксплуататорам и эксплуатируемым – с левыми теологами; панафриканизм, симпатии палестинскому сопротивлению и неприятие гегемонии стран Запада – с тьермондистами; курс на экономическую автономию – с левыми националистами и сторонниками протекционизма; наконец, создание особой революционной буркинийской эстетики, идентичности и искусства – с теми, кого в Европе принято называть «богемная буржуазия».

В то же время существует некий парадокс, умело используемый Компаоре в качестве защиты от атак оппонентов и моральной легитимации переворота, приведшего его к власти. За несколько месяцев до своего свержения во время интервью журналу «Жен Африк», комментируя распространенный в стране миф о Санкара, Компаоре совершенно справедливо, на первый взгляд, заметил, что «есть миф, а есть реальность», и в этой реальности, к которой апеллируют современные поклонники Санкара, «не было свободы ни для прессы, ни для ассоциаций, ни для предпринимательства, профсоюзов или политической деятельности», а «большинство партий, сейчас заявляющих о своей преемственности и использующей его имя, никогда бы ничего не добились» [Ben Yahmed, 2014, p. 31].

Как же получилось так, что миф в итоге все же победил «реальность»? Почему, несмотря на то, что при всех своих недостатках гибридный политический режим «исправленной революции» все же куда более походил по форме на идеалы общественного устройства, отстаиваемые оппозицией, со стороны буркинийской интеллигенции он заслужил лишь насмешливое определение «компаороз», а сам Компаоре – зашкваливающе высокий среди граждан своей страны антирейтинг, в то время как супермодным среди нынешней молодежи стал именно образ «Тома Санка» – свергнутого им «автократа»?

«Будучи сельской и консервативной [по своему составу], Буркина-Фасо в реализации революционной политики пошла гораздо дальше всех прочих государств западноафриканского региона. Все время при этом страна разрывалась между уважением к установленному порядку и сопротивлением ему же», – указывают исследователи МКГ [ICSS, 2013, p. 6].

Главной социальной базой правительства Санкара, не считая отдельных высокоидейных представителей класса интеллектуалов, до конца его дней оставалась самая обездоленная часть буркинийского общества: крестьянство, городская маргинальная молодежь, самозанятая в неформальном секторе, мелкие производители, безработные. По причине чрезвычайной социально-экономической отсталости этого государства, находившегося в предреволюционный период на самом дне разнообразных мировых и даже африканских рейтингов, именно эти слои и составляли демократическое большинство буркинийского народа. Несмотря на свой подчеркнуто милитаристский стиль, режим Национального совета революции по своему классовому содержанию был одним из самых демократичных в истории постколониальной Африки. В 2012 г. российский африканист И.В. Кривушин констатировал, что «Тома Санкара... остался популярной фигурой в вольтийском [так у автора. – А.П.] обществе, особенно среди беднейших слоев, как символ надежд на перемены, как человек, пожертвовавший собой ради счастья народа, как вождь-романтик, «африканский Че Гевара» [Кривушин, 2012, с. 655]. Однако в отличие от Че Гевары, Тома Санкара даже после смерти остался не просто узнаваемым символом романтического прошлого, но и важнейшим фактором современной политической жизни своей страны. Именно к его образу обращалась молодежь, заполнившая в конце октября 2014 г. улицы городов Буркина-Фасо, требуя отставки Компаоре.

« ДЕТИ САНКАРА »

Наконец мы переходим к изложению истории формирования и триумфа санкаристского мифа в среде современной буркинийской молодежи, своеобразной «жизни легендарного революционера после смерти».

Один из героев восстания, будущий лидер «Бале ситуайен» Самск Ле Джа в 2011 г. посвятил Тома Санкара песню, ставшую хитом:

Если ты поедешь в Конго – тебе там расскажут о Лумумбе,
Если ты поедешь в Кот-д’Ивуар – тебе расскажут о папаше Буаньи¹⁵,
Если дальше ты спустишься в Гану – тебе расскажут о Кваме Нкруме,
Но почему же в моей стране никто не говорит о Санкара?
Но почему в моей стране хотят задушить память о нем?
Тогда, когда он является частью наследия своей страны,
Тогда, когда он принадлежит к числу строителей мамы-Африки,
Свободной, достойной...

Долгие годы память о Санкара действительно на официальном уровне подавлялась, существуя и выживая лишь в своеобразном «подполье» – субкультурном молодежном андеграунде.

Именно с описания заочного «знакомства» с Тома Санкара начинается свою книгу уже упомянутый нами выше писатель Адама Сигире:

«На самом деле я его не знал. В 1983 г. мне должно было быть меньше двух лет... В 1987 г. мне едва исполнилось шесть. Я ничего не знал о революции Тома Санкара... Мне пришлось ждать более 15 лет с момента смерти Тома Санкара, чтобы узнать, кем он был. Повзрослев, я захотел узнать много вещей о Санкара... Я прочел книги о жизни Тома Санкара, я просмотрел фильмы, представляющие жизненный путь этого неповторимого человека» [Siguiré, 2015, p. 11–12].

Все первая глава книги Сигире посвящена воспеванию фигуры Санкара, а также его сопоставлению с Компаоре. Поскольку Сигире и по возрасту, и по социальному положению является наитипичнейшим представителем движения современных «неосанкаристов»¹⁶, а также своего рода «голосом поколения», мы процитируем отдельные, наиболее яркие фрагменты его книги.

«Тома Санкара и Блэз Компаоре не разделяли одну идеологию. Санкара говорил то, что он думал. Компаоре говорил то, что хотел. Санкара желал добра своему народу. Компаоре желал добра лишь самому себе и своей семье. Санкара был экзистенциалистом. Компаоре был гедонистом. Санкара следовал разуму. Компаоре находился под властью страстей. История гласит, что Санкара был в курсе всего этого. Он знал, что они с Блэзом – не вместе. Но Тома Санкара был человеком принципов, который не мог позволить себе ополнить то, что считал священным».

«Блэз редко говорил Санкара правду, Санкара – ничего не скрывал от Блэза... Тома был настоящим революционером. Он хотел радикальным образом изменить Буркина-Фасо и всю Африку. Он был против империализма и неокOLONИализма. Санкара пытался противостоять великой Франции, Франции колонизаторов

¹⁵ Имеется в виду первый президент Кот-д’Ивуара Феликс Уфуэ-Буаньи (1960–1993).

¹⁶ Адама Сигире был одним из лидеров восстания в Бобо-Диулассо – втором городе страны.

и колонизаций, Франции – родины абсурдного в своей наглости империализма. Санкара заботился о своем народе. Он хотел вернуть Африке ее осмеянное достоинство. Он хотел, чтоб Черный человек был по-настоящему Черным. Он боролся также с бескультурьем.

Блэз Компаоре был не революционером, но реакционером. В его крови не было ни одного микроба Революции. Это был усердный льстец. Он не был вдохновлен Революцией. Он любил компромиссы и готов был на них соглашаться. Он стремился и желал роскоши. Компаоре восхищался Франсуа Миттераном. Он хотел жить как тубаб¹⁷ [Siguiré, 2015, p. 13–14].

Итак, как мы видим, драматургия национально-политического мифа о Санкара явно разворачивается вокруг дихотомии Санкара – Компаоре, в которой один из них наделяется сугубо позитивными характеристиками, тогда как другой – зеркально отрицательными.

Впрочем, в одном месте встречаются и упоминания об ошибках Санкара, но при этом они являются именно ошибками, проистекающими из «перфекционизма», то есть стремления к совершенству. Как принято говорить в подобных ситуациях, «недостатки, подчеркивающие достоинства»:

«На самом деле, история знает, что у Революции были свои заносы. Были нарушения прав человека. Санкара увольнял чиновников, не предоставляя им других возможностей. Он оскорбил традиционных лидеров. Старик-мудрец как-то мне сказал...: “Сынок, все беды Революции... шли от того, что Санкара не проявлял никакого уважения к старшим. Слово “товарищ” – это то, что причинило Революции наибольший вред. Мы в Африке, сынок. Как ты можешь называть мужчину или женщину, по возрасту годящихся тебе в родители, “товарищами”, как будто вы ящериц вместе гоняли? Санкара не уважал возраст, это очень опасно. Сынок, всегда нужно уважать старших, если ты хочешь преуспеть и долго прожить. Это – наша культура и мы не должны ей пренебрегать”. Это лишний раз подтверждает, что перфекционизм не есть благо. У Санкара не было желания причинять кому-то зло. Он хотел устроить так, чтобы все заработало...» [Siguiré, 2015, p. 14].

Ну и, разумеется, в особых красках автор рисует кульминацию конфликта Санкара – Компаоре: подлое предательство, оканчивающееся гибелью лидера революции:

«Букари Каборе по прозвищу Лев, один из верных друзей Тома Санкара... по поводу обстоятельств [его] гибели заявил следующее: “Санкара знал, что Блэз Компаоре хотел его убить. Я попросил его позволить мне действовать, но он мне сказал:

¹⁷ Тубаб – распространенное в странах Западной Африки слово, обозначающее богатых белых пришельцев. В зависимости от ситуации может иметь как нейтральную, так и негативную коннотацию.

“Блэз может меня предать, но я не предаю его никогда” ... Санкара предпочел смерть бесчестию и подлости... Для него даже необходимая самооборона была преступлением. Санкара вышел за пределы гуманизма, пойдя дальше. Он приблизился к мудрости богов» [Siguiré, 2015, 18].

Здесь миф уже приближается к прямой сакрализации «носителями ордена» своего кумира. Санкара практически полностью утрачивает образ реальной исторической личности, политического лидера и практика, становясь неким воплощением высшего идеала и абсолютного блага, сверхчеловеком, приближающимся по своим качествам к богу.

Читая и анализируя подобные тексты, иногда бывает сложно поверить, что культ Санкара в современной Буркина-Фасо возник **не благодаря**, а, напротив, **вопреки** системе государственной пропаганды. Санкара стал символом антисистемы, молодежного бунта против бедности, социального расслоения, коррупции, лицемерия политиков и вызывающей роскоши представителей бизнес-элит, осознания политической и экономической зависимости своей страны от Запада, преклонения перед приходящей из Европы «правильной культурой» и прочих подобного рода фрустраций. Изучение биографии и идей Санкара превратились в своеобразную историческую реконструкцию, уходя в которую униженный бедностью и зависимостью молодой буркинец совершал некий «побег от реальности» в идеалистический мир эталонной справедливости и чести, где такие, как он – были субъектами исторического процесса, а их страна оказывалась в центре внимания всего международного сообщества, восхищающегося эстетикой молодых офицеров-революционеров.

«Им было три или четыре года в момент его убийства. Но сегодня они в огромном количестве собрались почтить память того, кого они по-прежнему считают певцом правильной политики, культовой фигуры борца с неокониализмом. Имя Санкара, принадлежавшего к числу главных африканских возмутителей спокойствия, превратилось в имя нарицательное, которым называют теперь наиболее харизматичных подростков или бескомпромиссных лидеров студенческих забастовок. Фигура Тома Санкара с течением времени стала африканским воплощением революционного романтизма. На стенах университетского кампуса его портреты, излучающие молодость, висят бок о бок с другими иконами революционеров, павших на поле боя в расцвете лет» [Dougueli, 2007, p. 31] – так описывает эту новую субкультуру «Жен Африк» в своем репортаже, посвященном 20-летию гибели Санкара.

В дальнейшем, однако, в этой альтернативной «реальности» выросло целое поколение молодых буркинийцев, в один прекрасный момент осознавшее себя «политическим большинством» и пожелавшее перенести правила игры своего любимого мира революции в мир, который им был навязан теми, кто эту революцию в свое время у них украл, назвав контрреволюцию ее «исправлением». Самым удивительным оказалось то, что у них действительно стало все получаться. Правила идеального мира внезапно подошли для того, чтобы изменять при их помощи мир реальный.

«Резюмируя, можно констатировать, что эта молодежь не явилась к нам из ниоткуда, – пишет в своем эссе один из лидеров уличной оппозиции Жан-Юбер Базиэ. – На самом деле, она поверила в то, что может продвинуть страну по пути прогресса и позитивных перемен потому, что за плечами у нее было наследие, дающее надежду на то, что достижение ее чаяний возможно и выполнимо. Этим наследием стал период Народно-демократической революции, высветивший на политической сцене – национальной, африканской и международной – команду молодых лидеров, возглавляемых легендарным капитаном Тома Санкара, которая, действуя в разумной манере, укоренила здесь практики безусловной честности и демократии участия. Для этой молодежи с ее искренностью и приверженностью фундаментальным моральным ценностям, Тома Санкара стал безупречной моделью, и часто можно было слышать в толпе молодых демонстрантов лозунги и речи, произносимые со столь великим воодушевлением, что не возникало никакого сомнения в том, что они идентифицируют себя с погибшим президентом Фасо» [Bazié, 2016, p. 12–13].

15 октября 2013 г. автору статьи удалось побывать на крайне интересной для исследователя акции «Бале ситуайен» в столице Уагадугу. По форме это был вечер памяти погибшего в этот день Тома Санкара, а по содержанию – политическая акция, направленная на пропаганду идей движения и вербовку новых участников. Именно эта годовщина стала определяющей для движения, поскольку в тот день состоялась по сути главная презентация «Бале ситуайен» широкой буркинийской публике. «Сибали», разумеется, выбрали дату не случайно. Объявив себя продолжателями дела Санкара, а Санкара в свою очередь – «первым сибалем» [Bouda, Sawadogo, 2016, p. 23], они таким образом завершили построение собственного политического «бренда», вобравшего в себя черты молодежного революционного движения с левой panaфриканистской идеологией и риторикой и одновременно – модной городской околмузыкальной субкультуры. Прошлое в этой идеологии оказалось прямо связано с настоящим и будущим: защищать 37-ю статью конституции надо, чтобы после следующих выборов ушел Блэз, а добиваться ухода Блэза нужно, чтоб отомстить таким образом за цинично убитого Санкара и его товарищей.

В одном из городских жилых кварталов в тот вечер была сооружена сцена с растянутым белым киноэкраном, на котором транслировали уже упоминавшийся выше фильм «Санкара, честный человек», а также музыкальные видеоклипы с песнями лево-патриотического содержания, в т.ч. клип на песню Смоки «50 лет зависимости» (50 ans de dépendence), ставшую одним из его главных политических хитов. После показа фильма на сцену вышли аниматоры «Бале ситуайен» в своих узнаваемых черных футболках с логотипом движения – вздымающимся вверх над метлой сжатым кулаком – символами борьбы и очищения – и надписью «НАША СИЛА В НАШЕМ КОЛИЧЕСТВЕ» (NOTRE NOMBRE EST NOTRE FORCE). Чередуя революционные санкаристские лозунги с инвективами в адрес действующего президента, молодые люди объясняли собравшимся горожанам цели движения и призывали пополнять его ряды.

Смоки и Самск Ле Джа также присутствовали на мероприятии. Здесь же у специального лотка можно было приобрести футболки с логотипом движения или портретом Санкара и аудиодиски музыкантов-оппозиционеров.

Почтить память Санкара пришли несколько сотен человек, импровизированного «зрительного зала» – расставленных в несколько рядов стульев – явно не хватило, чтобы вместить всех желающих, и большинство гостей стояли, либо сидели на сиденьях своих мотоциклов и скутеров. Атмосфера была теплая и дружественная, видно было, как собравшиеся присматривались, еще где-то недоверчиво, но уже с интересом и пробуждающейся симпатией, к молодым людям, обещавшим добиться отставки всемогущего «Блэзо», главного виновника гибели народного любимца «страны честных людей». Большинство речей и лозунгов Санкара по ходу просмотра фильма собравшиеся произносили хором наизусть, а всякий раз, когда в кадре оказывался Компаоре – раздавались неодобрительный гул, возгласы негодования и свист.

К этому времени сам Компаоре еще не успел озвучить свои планы по очередному изменению конституции и народ пребывал в ожидании начала большой политической игры, правила которой оставались для него еще не раскрыты. Ждать, впрочем, осталось совсем не долго. Уже 12 декабря, на следующий день после празднования очередной годовщины провозглашения республики, Компаоре сделал первое заявление, подтвердившее опасения оппозиции о вынашиваемых в Косиаеме планах: «Если условия 37-й статьи создают проблему – следует обратиться за решением к буркинийскому народу» [цит. по: Quorhy, 2014]. Это стало своеобразным сигналом оппозиции к сплочению рядов, концентрации усилий и подготовке к «великому сражению».

В дальнейшем, однако, президент хранил молчание по поводу судьбы роковой статьи вплоть до заседания правительства 21 октября 2014 г., когда проект поправок был одобрен и передан на рассмотрение в парламент. Даже в июле 2014 г. Компаоре в ответ на вопрос журналиста «Жен Африк», принял ли он для себя окончательное решение по волнующему всех вопросу, с вызывающим лукавством ответил: «Нет, я все еще нахожусь в раздумьях... не исключено, что даже если 37-я статья нашей конституции таки будет изменена, лично я остановлюсь в декабре 2015 г., в соответствии с действующим расписанием» [Ben Yahmed, 2014, p. 29]. На фоне «раздумий» президента лояльные ему партии и организации уже с начала года вели активную общественную кампанию за проведение референдума по вопросу о конституционных поправках. Ближе к развязке событий для этой забавной политтехнологической игры журналисты найдут специальное определение, которое в течение нескольких недель не будет сходить со страниц независимой прессы: *tripatouillage*, – «подтасовка». Ирония заключалась в том, что, проводя кампанию в поддержку референдума, правящий режим вовсе не собирался его в действительности организовывать. Напротив, заявляя о том, что судьбу 37-й статьи должен решать народ, партийные функционеры КДП активно вели переговоры с АДФ/РДА, склоняя их на свою сторону, чтобы получить в Национальной

ассамблее конституционное большинство [Carayol, 2014a]. Поскольку для инициации референдума это было совершенно излишне, можно либо предположить, что президент все это время действительно находился в раздумьях, либо сделать очевидный вывод о том, что на самом деле изменение конституции должно было состояться в стенах парламента.

В результате образ Компаоре был окончательно дискредитирован и делегитимизирован. Вопреки неуклюжему заявлению генерального секретаря КДП Асими Куанда, в июле 2014 г. назвавшего Компаоре «буркинийским Неймаром», якобы точно так же здорово, как и бразильский футболист владеющим ситуацией на своем поле, о реальном отношении к президенту в те дни говорили плакаты демонстрантов и оставленные ими на заборах улиц города лозунгами, наиболее популярными из которых были: «Нет – пожизненной власти!» (Non au pouvoir à vie!), «Блэз – убирайся!» (Blaise dégage), «Блэз – убийца» (Blaise assassin), «Блэз – Эбола» (Blaise Ebola)¹⁸ и др.

Однако в восстании принимала участие не только молодежь, но и люди старших поколений. Так цитированный нами выше 70-летний Альфред Савадого, в прошлом – сотрудник администрации Санкара и его верный последователь, с гордостью описал свое участие в демонстрациях как некий долгожданный реванш за смерть любимого лидера:

«Мы одели костюмы из местного хлопка, как рекомендовал нам президент Тома Санкара. На мне была моя самая красивая бубу¹⁹, поскольку я пришел на баррикады праздновать [победу] национализма, извращенного долгим правлением президента Компаоре. Этот день в определенном смысле был посвящен духу Тома Санкара» [Sawadogo Y.A., 2015, p. 13–14].

Еще одним праздником буркинийского национализма стал день 21 ноября 2014 г., когда вступающий в должность президент переходного периода Мишель Кафандо пообещал в ходе инаугурации наконец-то начать расследование дела о гибели Санкара. На улицах эта новость была встречена с восторгом и ликованием. Отдельной неожиданностью стало то, что сам Кафандо, еще до революции 1987 г. занимавший в правительстве тогда еще премьер-министра Санкара пост министра иностранных дел, принадлежал к числу его главных политических противников, составлявших антимарксистский либеральный блок кабинета. Подозревая главу правительства в проливийском коммунистическом заговоре, он выступил одним из инициаторов его ареста в мае 1983 г. После захвата власти сторонниками Санкара 4 августа Кафандо переехал во Францию, где прожил до 1990-х гг. Именно Компаоре снова предложил ему вернуться на государственную службу, после

¹⁸ Полная версия данного лозунга, захваченная в дни восстания камерами фотожурналистов, звучала так: «Блэз Компаоре – наша худшая Эбола! Народ в опасности! Проздезинфицируйте нас!».

¹⁹ Бубу – традиционная рубаха длинного свободного покроя, распространенная в странах Западной Африки.

чего он 14 лет представлял Буркина-Фасо в ООН. Тем не менее в настоящее время теперь уже даже он цитирует Санкара, признавая его правоту [Roger, 2016, p. 42].

В свое время Эрнесто Че Гевара обещал Америке устроить «сто Вьетнамов». Как гласит легенда, вождь буркинийской революции также пугал своих политических противников пророческим предостережением: «Убейте Санкара – родятся миллионы новых Санкара». Спустя неделю после свержения Компаоре в 2014 г. один из героев восстания 40-летний Ласина Савадого в интервью ведущему интернет-изданию страны подытожил: «Теперь вы видите – это выросли миллионы детей Тома Санкара. Это миллионы Тома Санкара, которые стали взрослыми и решили взять свою судьбу в собственные руки. Вот одна из причин, почему мы [вышли на улицу], и я думаю, что, если бы потребовалось повторить – мы бы сделали это еще раз [Somda, 2014].

К сожалению, слова Ласины Савадого также оказались пророческими, ибо в сентябре 2015 г. ему и его единомышленникам действительно вновь пришлось выходить на улицу защищать демократию. 16 сентября бойцы РСП арестовали президента Кафандо и премьер-министра Зиды, объявили о роспуске всех переходных институтов власти, учредив вместо них военную хунту под названием «Национальный совет за демократию». Формально заявленной целью путчистов было намерение провести истинно демократические выборы, с чем якобы не справилось переходное правительство, не допустив к участию несколько ближайших к Компаоре деятелей, поддерживавших затеянную в 2014 г. авантюру²⁰. Помимо этого, офицеров РСП возмутило окончательно принятое накануне решение о его роспуске [Roger, 2015]. Однако, по господствовавшему в стране убеждению, главной целью путча была реставрация в том или ином виде свергнутого режима Компаоре. Сам экс-президент в это время пребывал в соседнем Кот-д'Ивуаре, получив теплый прием властей этой страны, а в январе 2016 г. – и гражданство. Имел ли или нет отношение к сентябрьскому путчу Компаоре и его ивуарийские покровители – пока остается под вопросом, однако одной лишь фигуры лидера хунты, объявившегося на следующий день после ареста руководства страны, было достаточно, чтобы поднять буркинийский народ на новое восстание. Им оказался не кто иной, как генерал Жильбер Дьендере, могущественный начальник личного военного штаба Компаоре, в прошлом – командир отряда десантников, от рук которых погиб в 1987 г. Санкара. Несмотря на жесткие заявления и демонстрируемую путчистами уверенность, «Национальный совет за демократию» не продержался и недели. Легитимность военной хунты не была признана ни одной политической силой и общественной группой в Буркина-Фасо, за исключением маргинализованного после свержения Компаоре КДП. Путч также единодушно осудили ООН, ЭКОВАС, Африканский союз. Начатая в Буркина-Фасо по инициативе политических партий, профсоюзов и общественных движений всеобщая кампания гражданского непо-

²⁰ В апреле 2015 г. Национальный переходный совет принял поправки в избирательный кодекс, установившие запрет на выдвижение в качестве кандидатов в президенты лиц, оказывавших поддержку попытке пересмотра конституции с целью воспрепятствования смене власти демократическим путем.

виновения привела к окончательной дискредитации действий хунты и утраты ею контроля над ситуацией. 21 сентября руководство регулярной армии также осудило захват власти путчистами и потребовало от них сдачи оружия и возвращения в казармы. 18 сентября из-под ареста был освобожден президент Кафандо, 22 сентября – премьер-министр Зиди. 23 сентября работа правительства переходного периода была восстановлена, а лидеры военных мятежников – арестованы.

Народные массы вновь выступили главным политическим субъектом, обеспечившим продолжение работы легитимного правительства, а на баррикадах, перекрывших в те дни главные автомагистрали страны, звучали все те же лозунги, нарративы и имена:

«Те, кто убил нашего отца, отца революции Тома Санкара, пусть знают, что выросли его дети. Поэтому у них ничего не выйдет» [RFI, 2015].

«Я – молодая буркинийка и я не знала Тома Санкара, но я знаю, что, как он и говорил, множество Санкара родились после его смерти. Я – одна из них, и мы все хотим перемен» [Sawadogo A.K., 2015, p. 29].

«... Именно тогда мы осознали, что имеем дело с людьми, не имеющими никакой идеологической и политической подготовки, в точности, как те, о которых говорил Тома Санкара»²¹ [Sam, 2015, p. 7].

Одним из немногих критических по отношению к режиму Санкара деятелей современной буркинийской оппозиции является председатель Буркинийского движения в защиту прав человека и народов Крисогон Зугмаре, с которым автор статьи беседовал в Уагадугу июне 2016 г. В частности, он ставит ему в претензию практику преследований профсоюзов, оппозиции, независимой прессы и прочих несогласных, отказывая при этом санкаристам даже в праве называться революционерами. Никакой революции, по его убеждению, Буркина-Фасо пока еще не знала. И по форме, и по содержанию события 1983 г., которые привели Санкара к власти, по его мнению, были очередным военным переворотом, организованным без народного участия. Даже разрыва с бреттон-вудскими институтами и выхода из зоны франка²², – подчеркнул во время беседы Зугмаре, – при Санкара так и не состоялось. Тем не менее на замечание о том, что образ Санкара среди жителей страны остается по преимуществу позитивным, председатель движения мгновенно согласился, признав, что этот человек воплощает в себе набор качеств, которые составляют современную буркинийскую идентичность – честность, скромность, умеренность и патриотизм. Именно поэтому

²¹ «Военный без идеологической и политической подготовки – это потенциальный преступник» – одно из ставших культовыми выражений Тома Санкара.

²² Зона франка – территория хождения западноафриканского франка, обменный курс которого привязан к евро (до введения евро – к французскому франку). Учрежденная французским правительством, эта валюта считается одновременно одним из главных механизмов и символов влияния Франции на финансовую систему своих бывших колоний. В зону франка КФА входят Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того, а также бывшая португальская колония Гвинея-Бисау.

требование расследования обстоятельств гибели Санкара и привлечение к ответственности виновных остаются одними из главных пунктов повестки организации, что отражено в ее многочисленных публикациях и документах [например, MBDHP, 2015].

В настоящее время следствие по делу об убийстве Санкара продолжается. 18 мая были заслушаны показания вдовы погибшего президента Мариам Санкара, вернувшейся на родину из Франции, где она проживала с момента гибели мужа. Спустя неделю, в День Африки – что особенно символично – состоялась эксгумация останков Санкара для проведения экспертизы ДНК. 12 ноября 2015 г. обвинения по делу об убийстве Санкара были предъявлены генералу Дьендере, а 21 декабря был, наконец, выдан международный ордер на арест экс-президента Компаоре.

В ноябре 2015 г. ежемесячная газета, издающаяся в Бобо-Диуласо на языке диула, вышла под громким заголовком: «Блэз Компаоре – мертв, Тома Санкара – жив». На наш взгляд эта провокационно-ироничная антитеза и может служить квинтэссенцией революционно-романтической идеологии, овладевшей буркинийской молодежью с 2000-х гг. и достигшей своего триумфа в 2014–2015 гг. Апелляции к фигуре Санкара при этом не могут быть признаны попыткой возрождения реального политического санкаризма. В большинстве своем вышедшие на улицы массы защищали не радикальные марксистские идеи, а основы и ценности буржуазно-демократического строя, к которым сам Санкара, как известно, относился достаточно скептически²³. Они уже не были готовы принять некий «просвещенно-милитаристский» строй как альтернативу старому порядку, что особенно ярко проявилось в первые дни после бегства президента из страны, когда «улица», не удовлетворившись переходом власти к временным военному руководству Исаака Зиде, продолжила протесты с требованием учреждения гражданского правительства национального единства. В отличие от реального Санкара, его «дети» не испытывали никакой враждебности ни к религиозным институтам, ни к традиционным лидерам, напротив, ища у них поддержки, как у высших национальных авторитетов, в трудные дни противостояния режиму Компаоре и реваншистам из РСП. Современный миф о Санкара скорее отражает процесс поиска форм участия масс в национальной политике, новых эффективных условий общественного договора между властью и народом и утверждением самобытной демократической культуры, не вырастающей из привнесенных и навязанных извне ценностей, но опирающейся на собственные смыслы и образы.

Образы, позволяющие новому поколению политически активных граждан верить в справедливость любимого лозунга альтерглобалистов «другой мир – возможен» и, вооружившись этой верой, создавать свою «маму-Африку» такой, какой они желают ее видеть.

Свободной, достойной.

²³ На определенном этапе революции Санкара даже склонялся к построению однопартийного государства, не получив, однако, поддержки других членов Национального совета революции [Кривушин, 2012, с. 655].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Жамбиков А.М. Политический кризис в Буркина Фасо // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 8. С. 50–55.
- Кривушин И.В. Тома Исидор Ноэль Санкара; Нвалагмба Морис Ямеого // *История Африки в биографиях*. М., 2012. С. 650–655; 742–745.
- Хем М. Быть диктатором: практическое пособие. М., 2016.
- Ва М. Le président et le prisonnier // *Jeune Afrique*. 29 Mars 2015. P. 26–28.
- Bamouni B.P. *Burkina Faso: Processus de la Révolution*. P., 1986.
- Bazié J.-H. *De l'insurrection à la législation au "pays des hommes intègres"*. Ouagadougou, 2016.
- Ben Yahmed M. Blaise Compaoré: "Il faudra bien partir un jour" // *Jeune Afrique*. 13 Juillet, 2014. P. 24–31.
- Bouda E., Sawadogo N. Les causes de l'insurrection populaire // *Burkina Faso: 30 et 31 Octobre 2014. Au cœur de l'insurrection populaire* / ed. Moussa Willy Bantenga. Ouagadougou, 2016. P. 19–34.
- Burkina 24. Blaise Compaoré n'est plus président*. 31.10.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xDx0LLO5ufw> (available at: 30.09.2016).
- Carayol R. La réplique s'organise // *Jeune Afrique*. 23 Février. 2014a. P. 76.
- Carayol R. Sankara: Enfin toute la vérité? // *Jeune Afrique*. 7 Décembre. 2014b. P. 22–26.
- Dougueli G. Dans le sillage de Steve Biko et de Patrice Lumumba: Genèse d'une icône africaine // *Jeune Afrique*, 21 Octobre, 2007. – P. 31–32.
- ICC (International Crisis Group). *Burkina Faso: avec ou sans Compaoré, le temps des incertitudes*. Rapport Afrique N°205. Brussels, 22 Juillet, 2013.
- Konaté B. Quelques aspects culturels des coups d'Etats au Burkina Faso // *Burkina Faso: Cent ans d'histoire, 1895–1995* / ed. Yénuoyaga Georges Madiéga, Oumarou Nao. P., 2003. P. 1131–1141.
- Kyelem de Tambela A.J. *Thomas Sankara et la Révolution au Burkina Faso. Une expérience de développement autocentré*. Ouagadougou, 2012.
- Marot J.-B. Pèlerinage à Ouagadougou // *Jeune Afrique*. 21 Octobre. 2007. P. 33.
- MBDHP (Mouvement Burkinabé des Droits de l'homme et des Peuples). *Droits humains au Burkina Faso. Rapport 2014*. Ouagadougou, 2014.
- MBDHP. *La contribution du MBDHP* // *Liberté. Bulletin d'information du MBDHP*. Juin, 2015. № 42.
- Quophy F. 2014, une année et plusieurs cas... de figure // *Journal du Jeudi (Ouagadougou)*. 2 Janvier 2014. P. 4.
- RFI. Burkina Faso: les jeunes ouagalais prêts à la résistance // *RFI*. 20 Septembre. 2015. URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20150920-burkina-faso-jeunes-ouagalais-prets-resistance-manifestation-sankara-rsp> (available at: 30.09.2016).
- Roger B. Kafando à l'épreuve du feu // *Jeune Afrique*. 27 Septembre. 2015. P. 12–17.
- Roger B. Michel Kafando: "Zida, Blaise et moi" // *Jeune Afrique*. 2 Octobre. 2016. P. 40–43.
- Sam W.B. Les OSC sur la ligne de front // *L'Événement*. 10 Octobre. 2015. P. 7–8.

- Sankara T. La liberté se conquiert. Le 4 Octobre 1984; L'abus de pouvoir doit être étranger aux CDR; Un front uni contre la dette // *Oser inventer l'avenir. La parole de Sankara*. P.: Pathfinder & L'Harmattan, 1991.
- Sanou H. Nuit du 29 octobre à Azalai: Nous étions à la chambre 143 // *Observateur Paalga*. 4 Novembre 2015. P. 18.
- Sawadogo A.K. Guéwaratou Zongo, la jouvencelle de Nagrin // *L'Observateur Paalga*. 30 Octobre, 2015. P. 29–30.
- Sawadogo Y.A. *Fuite d'un président: du bonheur et de la pitié. Le cas du Burkina Faso*. Ouagadougou, 2015.
- Siguiré A.A. *Blaise Compaoré, le règne d'un Ange?! Paroles d'un insurgé*. Ouagadougou, 2015.
- Skelton R. Senegal: Even baobabs can bend // *The Africa Report*. № 33. August-September, 2011. P. 51.
- Somda S. Les héros de l'insurrection populaire (1): Lassina Sawadogo // *Le Faso.net*. 7 Novembre, 2014. URL: <http://lefaso.net/spip.php?article61666> (available at: 30.09.2016).
- Traoré A.E. *Burkina Faso: Les opportunités d'un nouveau contrat social. Facteurs et réalités de la crise*. P., 2012.

REFERENCES

- Zhambikov A.M. Politichesky krizis v Burkina Faso [Political crisis in Burkina Faso], in: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2015. No 8. P. 50–55 (in Russian).
- Krivusjin I.V. Thomas Isidore Noel Sankara; Nvalagmba Maurice Yameogo, in: *Istoriya Afriki v biografiiyah* [History of Africa in Biographies]. Moscow, 2012. P. 650–655; 742–745 (in Russian).
- Hem M. *Kanskje jeg kan bli dictator. En håndbok*. Oslo, 2012 (in Norwegian).
- Ba M. Le président et le prisonnier, in: *Jeune Afrique*. 29 Mars 2015. P. 26–28 (in French).
- Bamouni B.P. *Burkina Faso: Processus de la Révolution*. Paris, 1986 (in French).
- Bazié J.-H. *De l'insurrection à la législation au "pays des hommes intègres"*. Ouagadougou, 2016 (in French).
- Ben Yahmed M. Blaise Compaoré: "Il faudra bien partir un jour", in: *Jeune Afrique*. 13 Juillet, 2014. P. 24–31 (in French).
- Bouda E., Sawadogo N. Les causes de l'insurrection populaire, in: *Burkina Faso: 30 et 31 Octobre 2014. Au cœur de l'insurrection populaire* / ed. Moussa Willy Bantenga. Ouagadougou, 2016. P. 19–34 (in French).
- Burkina 24. Blaise Compaoré n'est plus président. 31.10.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xDX0LLO5ufw> (available at: 30.09.2016) (in French).
- Carayol R. La réplique s'organise, in: *Jeune Afrique*. 23 Février, 2014a. P. 76 (in French).
- Carayol R. Sankara: Enfin toute la vérité? in: *Jeune Afrique*. 7 Décembre. 2014b. P. 22–26 (in French).
- Dougueli G. Dans le sillage de Steve Biko et de Patrice Lumumba: Genèse d'une icône africaine, in: *Jeune Afrique*, 21 Octobre, 2007. P. 31–32 (in French).

- ICC (International Crisis Group). Burkina Faso: avec ou sans Compaoré, le temps des incertitudes. Rapport Afrique N°205. Brussels, 22 Juillet, 2013 (in French).
- Konaté B. Quelques aspects culturels des coups d'Etats au Burkina Faso, in: *Burkina Faso: Cent ans d'histoire, 1895–1995* / ed. Yénouyaga Georges Madiéga, Oumarou Nao. Paris, 2003. P. 1131–1141 (in French).
- Kyelem de Tambela A.J. *Thomas Sankara et la Révolution au Burkina Faso. Une expérience de développement aut centré*. Ouagadougou, 2012 (in French).
- Marot J.-B. Pèlerinage à Ouagadougou, in: *Jeune Afrique*. 21 Octobre. 2007. P. 33 (in French).
- MBDHP (Mouvement Burkinabé des Droits de l'homme et des Peuples). Droits humains au Burkina Faso. Rapport 2014. Ouagadougou, 2014 (in French).
- MBDHP. La contribution du MBDHP, in: *Liberté. Bulletin d'information du MBDHP*. Juin, 2015. N° 42 (in French).
- Quophy F. 2014, une année et plusieurs cas... de figure, in: *Journal du Jeudi (Ouagadougou)*. 2 Janvier 2014. P. 4 (in French).
- RFI. Burkina Faso: les jeunes ouagalais prêts à la résistance, in: RFI, 20 Septembre, 2015. URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20150920-burkina-faso-jeunes-ouagalais-prets-resistance-manifestation-sankara-rsp> (available at: 30.09.2016) (in French).
- Roger B. Kafando à l'épreuve du feu, in: *Jeune Afrique*. 27 Septembre, 2015. P. 12–17 (in French).
- Roger B. Michel Kafando: "Zida, Blaise et moi", in: *Jeune Afrique*. 2 Octobre, 2016. P. 40–43 (in French).
- Sam W.B. Les OSC sur la ligne de front, in: *L'Événement*. 10 Octobre, 2015. P. 7–8 (in French).
- Sankara T. La liberté se conquiert. Le 4 Octobre 1984; L'abus de pouvoir doit être étranger aux CDR; Un front uni contre la dette, in: *Oser inventer l'avenir. La parole de Sankara*. Paris: Pathfinder & L'Harmattan, 1991 (in French).
- Sanou H. Nuit du 29 octobre à Azalaï: Nous étions à la chambre 143, in: *Observateur Paalga*. 4 Novembre 2015. P. 18 (in French).
- Sawadogo A.K. Guéwaratou Zongo, la jouvencelle de Nagrin, in: *L'Observateur Paalga*. 30 Octobre, 2015. P. 29–30 (in French).
- Sawadogo Y.A. *Fuite d'un président: du bonheur et de la pitié. Le cas du Burkina Faso*. Ouagadougou, 2015 (in French).
- Siguiré A.A. *Blaise Compaoré, le règne d'un Ange?! Paroles d'un insurgé*. Ouagadougou, 2015 (in French).
- Skelton R. Senegal: Even baobabs can bend, in: *The Africa Report*, N°33, August-September, 2011. P. 51.
- Somda S. Les héros de l'insurrection populaire (1): Lassina Sawadogo, in: *Le Faso.net*. 7 Novembre, 2014. Available at: <http://lefaso.net/spip.php?article61666> (accessed – 30 September 2016) (in French).
- Traoré A. E. *Burkina Faso: Les opportunités d'un nouveau contrat social. Facteurs et réalités de la crise*. P., 2012 (in French).